

НА ГОРЛО СОБСТВЕННОЙ ПЕСНЕ

ний и теоретических занятий по пению — для него не прошел даром самая большая усыл, которую он вынес от-

ЕГО РУКА дрожала, когда он наливал в стакан шампанское: он год ничего не пил. Он сегодня первый день на свободе. В честь этого события можно распить бутылку шампанского в ресторане.

Целый год — зиму, лето, весну и осень — он провел в тюрьме. Его руки, привыкшие к чуткому прикосновению клавиш рояля, теперь огрубели. 365 дней они мыли полы, посуду, стирали. Руки музыканта стали руками рабочего. Он, у которого дома есть записи Лемешева, Козловского, Марио Ланца, год слышал мелодии только по радио. Он забыл звучание собственного голоса. И сегодня этот голос показался ему каким-то незнакомым, каким-то посторонним. А когда он надел белую рубашку, галстук и черный костюм, то почувствовал, что будущее, которое год назад отодвинулось в неизвестность, опять помахало ему голубым платком надежды. И ее коварный голос снова напевал песню славы. Вместе с шампанским она ударила в голову и кружила, кружила ее...

Геннадий Дегтяренко считает, что в тюрьму он попал по глупости. Легче было б, если б он совершил преступление или, на худой конец, провинился. А так — ни за что ни про что отсидел год — из-за какой-то девчонки. Многие его «доброжелатели» давали тогда дельные советы: женись, мол, на ней, а там видно будет. Нет, он не хотел обманывать ни ее, ни себя. Его с детства учили быть искренним. Он решил не изменять этому своему принципу. Вот почему он во всем сознался. Вот почему его руки, до двадцати трех лет вообще не знакомые с трудом, узнали черную работу. Так в его безмятежном, хорошо продуманном скольжении к будущему беспечность пробила первую брешь.

В ЖИЗНИ каждого одаренного человека наступает день, когда он открывает в себе талант. Этот день подкрадывается незаметно, и утро его порой не предвещает никакой перемены. Ты еще мечтаешь о

совершенно конкретной профессии врача или инженера и смотришь на свое участие в художественной самодеятельности как на прикладное искусство, вовсе не считая, что у тебя исключительный голос. Но вот наступает день, когда тебе говорят: «Будете петь!» С того дня — а это было еще в школе — Геннадий Дегтяренко подчинил свою жизнь одной большой идее — стать человеком искусства. Впереди у него было музыкальное училище, потом консерватория, потом — сцена... А в перспективе он видит себя пропагандистом русского вокального искусства, может быть, даже на мировой сцене. Возможно, в тот день, а возможно, много позже, перед ним встал не новый, но всегда верный лозунг: искусство требует жертв. Мера его понимания для каждого различна. Все зависит от мировоззрения человека.

Геннадий Дегтяренко решил ограничить себя во всем том, что выходит за пределы музыки. Он, конечно, знает, что никогда не может быть артистом, и он стал себя образовывать. Он даже пробовал читать медицинскую литературу, но потом решил, что это чтение лишь засоряет ум и не работает на его будущую профессию. И он исключил всю «побочную» литературу из сферы своего чтения. Только ноты. Только книги по музыке. Только вокальные произведения стоит прослушивать. Все остальное — лишняя трата времени и сил. Чтобы преуспеть в чем-то одном, надо отбросить все другое.

От книг он пошел дальше — он решил ограничить себя в друзьях. «Мои друзья — мои враги», — вырвал он у Лермонтова строчку из контекста, и она послужила ему философским оправданием той человеческой пустоты, которую он сам создал вокруг себя. Не случайно же он первый день своего освобождения праздновал в обществе с шампанским. Нет друзей — не с кем встречаться. И свободное от учебы время он

предпочитал отдавать не дружеской беседе с интересными людьми, а разговору со своим «я». Это «я» ему заменило живой человеческий голос. Геннадий боится друзей: «Если твою тайну знает еще один человек, значит ее будут знать все», — подводит он основу под свой духовный эгоизм. А все выглядит гораздо проще: если у тебя нет друзей, ты сам неспособен быть другом.*

В жертвенном порыве на встречу искусству он отказался и от комсомола. Формально этот отказ был как будто случайным. Он уехал к дяде в Златоуст, не снявшись с комсомольского учета и не став там на учет. А поступив в Петропавловске в музыкальное училище, сказал, что он не комсомолец. Это называется — выбыл механически. Механически, с одной стороны, и вполне осознанно, с другой: чтобы отключиться еще и от жизни общественной. Чтобы в случае, если будут давать какое-то не запланированное им самим дело, сказать: я не комсомолец и... в общем, не имеете права... Чтобы, не дай бог, часть его времени и энергии не ушла другим людям. Единственная форма общения, которую он оставил для себя и людей, это общение со сцены. Общение актера — а сейчас пока просто исполнителя — и зрителей.

— Я не халтуру, — говорит Геннадий. — Я стараюсь исполнять как можно лучше... А в общем, и это суета сует.

Этот аргумент Геннадия нужен для того, чтобы потом, когда вдруг ничего не выйдет, оправдать для себя свое поражение на попроче искусства. Спрашивается, к чему же тогда «жертвы» во имя будущего? На этот вопрос у Геннадия есть очень простой ответ:

— Заработок.

— Но можно найти более легкий и более ощутимый.

— Но этот наиболее приятный.

Наиболее приятный заработок... И сейчас, когда впереди

три года училища и шесть лет консерватории, Геннадий Дегтяренко не чувствует необходимости работать. Это тоже одна из жертв, которую он приносит на алтарь искусства. Работать можно было только в тюрьме — по необходимости, по принуждению. А сейчас, когда он вновь вернулся к нотам и грампластинкам, когда есть мама, которая его кормит, он не может совмещать работу и учебу, он не хочет наносить ущерб своему голосу. Вот если бы кто-то нашел работу по специальности, а так... идти на завод... нет уж, извините, в этом не чувствуется необходимости.

ТАК ЧЕЛОВЕК сам себя замуравовал в гробницу «чистого искусства». Человек, которому двадцать четыре года, который красив, остроумен, имеет неплохой голос и знает, что такое хорошо и что такое плохо — по крайней мере в музыке. И все-таки совершенно сознательно отгородился от тех противоречий, в которые вступает его «я» со всей жизнью. А противоречия... вот они. Собственное мнение для него — высший авторитет. И в то же время он полностью зависит от мнения зрителей. Он решил себя ограничить во всем и не сумел ограничить в самом малом, за что и поплатился годом тюрьмы. «О, я теперь буду более осторожен», — говорит он. Это значит — он будет менее доверчив к людям. Но ему не приходит в голову сказать себе: «Мой враг — я сам». Он думает, что приносит жертвы во имя искусства, он думает, что покупает этим внутреннюю свободу. А на самом деле буквально лишается даже внешней свободы. А жертвы оказываются теми самыми камнями, которые он кидает на горло собственной песни, даже не позволяя себе в чем-то засомневаться. Засомневаться в своей нравственной позиции по отношению к жизни, к людям, к искусству. И хотя этот год — год размышле-

туда, — это быть более осторожным. Азбучную для всех смертных истину, что человек искусства не может существовать вне времени и пространства, он отнес на свалку сценического тряпья. А в своей каждодневной жизни делает все, чтобы никакие шорохи и громы по ту сторону музыки не потревожили его. Но он забывает (или не знает?) о том, что они непременно обогащают и что, будучи современником Маяковского, ты должен цеть партию Ленского совсем иначе, чем пел ее в Мариинском Петербургском театре современник Чайковского. Что невидимый даже для самого тебя процесс творчества идет параллельно с формированием твоей личности. И все ее изъяны — это твои неспетые песни. И все ее ошибки будут фальшью отзываться в твоём голосе. И твой современный строй мысли обязательно выльется в песне, даже если этой песне тысяча лет.

«Артист обязан и в жизни быть носителем и проводником прекрасного. В противном случае, на одной руке будет творить, а другой разрушать создаваемое. Поймите это с первых же лет вашего служения искусству и готовьтесь к этой миссии. Выработайте в себе необходимую выдержку, этику и дисциплину общественного деятеля, несущего в мир прекрасное, возвышенное и благородное...» Так говорил тот, кто сам был безупречным человеком, великим актером, неутомимым пропагандистом искусства. Так говорил Станиславский.

ТРУД МУЗЫКАНТА, певца, актера — это каждодневная отдача людям. И надо иметь что отдавать. Не голую технику, не модуляции голоса, не взятый напрокат у великого певца темперамент. Проверять свой голос по камертону звучит жизни, той, в которой ты живешь. — только так можно быть оригинальным, только так можно спеть людям свою песню.

Н. КОЛБАЕВА.

г. Петропавловск.